

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Филологический факультет

А.С. Пушкин и мировая культура

Международная научная конференция

Материалы

Москва, 2 – 4 февраля 1999 года

Варфоломей соотносится с образом змея-искусителя. В вещем сне Павла действие происходит на земле, в воде и на небе. В поэтике повести значительную роль играет числовая символика. Мистическое значение имеют и хронологические совпадения.

Традиционная линия “влюбленный бес – земная девушка” тоже своеобразно трансформируется в пушкинской повести. На наш взгляд, уместно сопоставление Веры с героиней повести У.Х.Айнсворта “Невеста дьявола”. Леди Клотильда отвечает на любовь таинственного незнакомца и клянется в верности. Иначе ведет себя Вера. Она отказывается от клятвы, “от дальнего отечества” и “блеска княжеского”. Героиня настаивает на благословении священника в храме Божьем.

“Уединенный домик на Васильевском” пронизан реминисценциями из отечественных произведений. Возникающие аналогии с художественным миром Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, А.А.Бестужева-Марлинского, Ан. Погорельского, как отмечалось в исследованиях, помогают воссоздать не только конкретное географическое пространство, но уже и знакомую эстетическую реальность. Ее создание непосредственно связано с единой фольклорно-мифологической основой.

Необходимо отметить сходство между пушкинской повестью и произведением Е.Боратынского, написанным через два года (“Перстень”, 1831 г.). Здесь намечается определенная закономерность в развитии типа раскаявшегося героя. Символические ассоциации характеризуют героя Боратынского как человека, вступившего в сговор с дьяволом, но затем строго осудившего свое преступление. Уединение героев (Павла и Опальского) в финалах обеих повестей делает их личностями особой духовной организации.

Важная сюжетобразующая роль мифологических и литературных реминисценций позволяет представить “Уединенный домик на Васильевском” А.С.Пушкина и В.П.Титова как своеобразное интертекстуальное сращение и особым способом сконструированный художественный мир.

Л.И. Вольперт
(Тарту)

Пушкин и французская литература (история изучения проблемы)

Проблема “Пушкин и французская литература” может служить классической моделью для изучения разнообразных аспектов творче-

ской преемственности. Специфика эпохи (культурное двуязычие), общее увлечение в России французской словесностью, "всемирная отзывчатость" (Достоевский) Пушкина, его исключительная память (он с детства, по словам брата, знал французскую литературу чуть ли не наизусть) — все это придает сравнительно-сопоставительному методу разнообразие, глубину и перспективность.

Способы усвоения французской традиции Пушкиным чрезвычайно разнообразны (кроме традиционных, такие, как маски, роли, эпистолярная игра, шуточные маргиналии, лжецитации и мн. др.), причем образы, сюжеты, мотивы не просто усваиваются поэтом, а часто им "обыгрываются".

Изучение проблемы русскими пушкинистами с некоторой приближенностью можно разбить на четыре периода: 1) середина XIX в. — середина XX в.; 2) 1948 — 1958 годы; 3) выход книги Б.В. Томашевского "Пушкин и Франция" (1960); 4) с 1960 по настоящее время.

В изучении западноевропейских связей Пушкина классическое пушкиноведение с первых шагов решало проблему сущности категории влияние, и — что примечательно — в России именно на этом материале вырабатывалась методика компаративистского анализа.

Большинство появившихся при жизни Пушкина, а также в конце XIX в. замечаний сводилось к выявлению в творчестве поэта отдельных реминисценций и аллюзий из французской литературы (В. В. Сиповский, П. О. Морозов и др.), но с начала XX в. (и особенно в работах А. Л.Бема, Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского) такому подходу противопоставляется широкая концепция "влияния" (связь с историзмом, усвоение способа видения мира, самого "духа" оригинала, переключки идей). Все глубже аргументируется мысль, что при диалоге двух культур как правило преимущественно доминируют имманентные пружины развития национальной словесности.

Период с конца 1940-х по конец 1950-х годов заслуживает быть выделенным особо, поскольку в это время в связи с борьбой с т. н. "космополитизмом" компаративистика в СССР была как бы под подозрением (на Западе она в это время как раз переживала своеобразный "бум") и изучение литературных воздействий и влияний на Пушкина почти прекратилось.

С конца 1960-х годов, когда гонения на компаративизм ослабевают, начинается новый подъем в исследовании французских литературных связей Пушкина, что нашло отражение в изданном библиотекой им. Ленина в 1985 г. библиографическом указателе "Взаимосвязи русской и французской литератур. Указатель книг и статей на русском языке за 1961-1983 годы". В рубрике "Пушкин" значится 89 номеров (не учтен

рижский пушкинский сборник 1983 г.). После появления книги Томашевского в 1980-90-е годы начали выходить специальные монографии: Л.И. Вольперт. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе (Таллинн, 1980); Р.Шульц. Пушкин и Казот (Вашингтон, 1987); Л. И. Вольперт. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль (Москва, 1998).

Последний период характеризуется усилением интереса к проблеме типологической общности, теоретические основы которой разрабатывались в работах В.М. Жирмунского. В статье "Пушкин и западные литературы", созданной еще в первый период, на примере типологических схождений (Пушкин и А. де Мюссе, Пушкин и Мериме и др.) ученый блестяще продемонстрировал на практике свою теорию.

Исследователей привлекает не только проблема моделирования Пушкиным собственного поведения по образцу героев французских романов, но и в каком-то смысле воздействие на поэта жизненного поведения самих французских писателей (Лафонтен, Шамфор, Вуатюр и др.). Примером такого рода исследования в 30-е годы могла послужить статья Л. В. Крестовой "Пушкин и Данжо", позднее – статьи Л.И. Вольперт о Ш. де Лакло, Луве де Кувре, Крюденер, Б.Констане.

Каковы перспективы изучения проблемы "Пушкин и французская литература"? Представляется конструктивным как изучение типологии включенности творчества Пушкина в магистральные течения французской литературы), так и конкретных бинарных связей (мало изучены связи с Бальзаком, Жорж Санд, Ж. Ансело). Недостаточно изучена связь Пушкина с французскими журналами и газетами 1820-30-х годов, в первую очередь с "Le Globe" (Б.В. Томашевский с очевидностью доказал, насколько конструктивен такой подход). Интерес может представить более глубокое знакомство с архивами Франции, а также детальное исследование творческих связей Пушкина с массовой французской литературой.

Т.С. Соколова
(Санкт-Петербург)

Переводы А.С.Пушкина из французской поэзии (Э.Парни)

Диапазон контактов А.С.Пушкина с французской поэзией чрезвычайно широк на протяжении всей жизни, начиная с лицейского периода и даже раньше, с детства, когда его гувернерами и воспитателями бы-